ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Аксиосфера «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева

Сорокин В. Б.

Аннотация. Цель исследования – выявить ценностное наполнение знаменитого произведения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» с точки зрения авторской позиции. Событийный и персонажный планы, составляющие в совокупности аксиосферу текста, рассмотрены на основе композиционно-стилистического, аксиологического и впервые осуществленного контент-анализа текста романа. Комплексное использование взаимодополняющих методов анализа позволило определить соотношение позитивного и негативного начал в персонажном корпусе произведения и количественные пропорции в использовании контрастной оценочной лексики в тексте, что представляет научную новизну исследования. В статье проведен сравнительный обзор многочисленных научных работ о романе, отражающий разнообразие подходов и противоречивость некоторых выводов ученых о произведении. В результате выявлены ключевые ценностные доминанты и детализированы принципы художественной антропологии автора, реализующие его просветительско-сентименталистские позиции, прослежен мультижанровый подход в композиции произведения с его вариативным стилистическим наполнением.

EN

The axiosphere of A. N. Radishchev's "Journey from St. Petersburg to Moscow"

V. B. Sorokin

Abstract. The purpose of the study is to identify the value content of the famous work of A. N. Radishchev "Journey from St. Petersburg to Moscow" from the point of view of the author's position. Event and character plans, which together constitute the axiosphere of the text, are considered on the basis of compositional-stylistic, axiological and for the first time implemented content analysis of the text of the novel. The complex use of complementary analysis methods made it possible to determine the ratio of positive and negative principles in the character body of the work and the quantitative proportions in the use of contrasting evaluative vocabulary in the text, which represents the scientific originality of the study. The article provides a comparative review of numerous scientific works about the novel, reflecting the variety of approaches and the inconsistency of some of the scholars' conclusions about the work. As a result, key value dominants were identified and the principles of the author's artistic anthropology, which implement his enlightenment-sentimentalist positions, were detailed, a multi-genre approach to the composition of the work with its variable stylistic content was traced.

Введение

Актуальность исследования определяется сохраняющейся дискуссионностью в отношении личностных позиций и художественного метода А. Н. Радищева в его романе «Путешествие из Петербурга в Москву», проблематика которого не утратила злободневности в отношении вопросов нравственности, воспитания и взаимоотношения человека и власти, воплощающих главные идеи автора.

Показательно в этом отношении высказывание Александра Самарина: «…мы все еще стоим перед задачей найти "Путешествию" и его создателю адекватное место в истории отечественной литературы, не обожествляя и не проклиная» (2015, с. 31).

Для реализации целей исследования решались следующие задачи:

– учет и осмысление различных точек зрения литературоведов относительно личностных позиций и художественного метода А. Н. Радищева в его романе «Путешествие из Петербурга в Москву»;

– осуществление комплексного композиционно-стилистического и аксиологического анализа произведения в событийном и персонажном планах на фоне его мультижанровой структуры, составляющих в совокупности аксиосферу текста;

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260474

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

– проведение последовательного контент-анализа текста для выявления количественного соотношения контрастной оценивающей лексики соответственно структуре аксиосферы произведения.

При анализе материала применяются методы: сравнительно-типологический, необходимый для выявления традиционных жанровых элементов текста путешествия и авторского новаторства в стилистическом и жанровом многообразии различных эпизодов повествования. Метод контент-анализа позволил объективно аргументировать ценностные позиции автора при использовании аксиологического подхода для целостной характеристики аксиосферы произведения наряду с определением особенностей художественного метода писателя.

Материалами исследования является произведение А. Н. Радищева (1992) «Путешествие из Петербурга в Москву», опубликованное в 1790 г. в Санкт-Петербурге.

При написании статьи учтены многочисленные учебные и справочные издания советского и современного периодов, в том числе таких авторитетных ученых, как Д. Д. Благой (1960) и Г. А. Гуковский (1999), чьи взгляды частично пересмотрены современной наукой, но все еще представляют интерес.

Привлечены к рассмотрению современные учебники О. Б. Лебедевой (2003), Ю. И. Минералова (2003), Т. Л. Воронина (2009), позиция которых не политизирована и более ориентирована на художественную специфику романа, что расширяет круг наблюдений над текстом произведения.

Важным источником сведений об авторе и его работой над книгой явились комментарий к роману Л. И. Кулаковой и В. А Западова (1974), а также справочные издания «Словарь русских писателей XVIII века» (2010) и биобиблиографический словарь «Русские писатели. XVIII век» (2002).

Теоретической базой исследования являются историко-литературные исследования творчества А. Н. Радищева отечественных ученых: Д. Д. Благого (1960), Г. А. Гуковского (1999), Л. И. Кулаковой и В. А. Западова и (1974), П. А. Орлова (1977; 1991) и А. А. Костина (2018); наблюдения над композицией романа Г. П. Макогоненко (1940) и Л. И. Кулаковой (1972), а также работы о стилистике романа: А. П. Скафтымова (1929), С. Ф. Елеонского (1958), А. Н. Кожина (1989) и А. Д. Романова (2024); концептуальные исследования В. К. Кантора (2006) и зарубежного филолога М. Левитта (2015).

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью применить его результаты к анализу других оригинальных и переводных произведений российской литературы XVIII столетия с точки зрения ценностных ориентаций писателей эпохи Просвещения. Полученные результаты могут быть использованы в научных работах и лекционных курсах по истории русской литературы XVIII века.

Обсуждение и результаты

История изучения «Путешествия из Москвы в Петербург» богата, сложна и противоречива. Траектория восприятия произведения начиналась с резко отрицательного по политическим основаниям отношения Екатерины II и по идейно-эстетическим причинам Александра Сергеевича Пушкина, который с нескрываемым раздражением воспринимал стиль и желчность высказываний Радищева. Менялась трактовка личности писателя: от «бунтовщика хуже Пугачева» (Екатерина II) и «безумных заблуждений», но «с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью» (Пушкин, 1976, с. 191), до «родоначальника революционной мысли в нашей литературе» (Благой, 1960, с. 446) или «смелого революционера-одиночки» (Минералов, 2003, с. 130).

В отечественном литературоведении накоплен солидный багаж статей, монографий и комментариев к роману. Много сказано об истории создания произведения, о возможных прототипах некоторых персонажей, об источниках политических и религиозных сентенций автора. При этом сохраняются явные расхождения относительно личностных позиций Радищева по проблемам революционного способа смены власти, механизма отмены крепостного права, что, собственно, имеет только косвенное отношение к филологическому анализу романа.

Отношение к Радищеву менялось в зависимости от степени оценки его радикальности: от умеренно-либеральной до категорически революционной, что в советское время давало основание ставить Радищева на первое место в ряду всех авторов столетия.

Современные исследователи высказывают более сдержанную оценку революционных взглядов писателя (Стенник, 1995, с. 328; Николаев, 2005, с. 589; Воронин, 2009, с. 183).

Наиболее дискуссионным оставался вопрос о *художественном методе* и *жанровой специфике* произведения А. Н. Радищева.

Художественный метод «Путешествия из Москвы в Петербург» определялся учеными по-разному: просветительский реализм (Татаринова, 1975, с. 299), «социальный сентиментализм» (Сакулин, 1929, с. 321), демократический (Орлов, 1977, с. 145), социологический (Лебедева, 2003, с. 364), революционный (Елисеева, 2015, с. 181) сентиментализм.

Исследователи нередко отмечают переходный характер авторской манеры в данном произведении (Гуковский, 1999; Скафтымов, 1929; Федоров, 1990), сочетающий черты как уходящего классицизма, так и пришедшего ему на смену сентиментализма и зарождающегося реализма, что во многом предопределило стилистическую неоднородность текста.

Исследователи указывают на тематическое разнообразие произведения, его многогранную проблематику: «Книга Радищева очень объемна по своему содержанию и идейной насыщенности. В ней можно найти разрешение крестьянского вопроса… и разработку проблем воспитания, нравственности, любви, материнства; затронуты в ней и вопросы права, цензуры, вплоть до литературных и эстетических проблем» (Макогоненко, 1940, с. 47).

Иерархия проблем выстраивалась по-разному у разных литературоведов. Г. А. Гуковский (1999, с. 453) определил три темы: крепостничества, монархии и революции, добавив социологическое выделение сословных

групп: помещики и народ. Аналогично поступил П. А. Орлов (1991, с. 232-240), обозначив эти разделы как проблемы: проблема крепостничества, проблема самодержавия и проблема крестьянской революции, – и расширив сословный ряд: помещики, купечество, крестьяне. «Проблемы власти и закона являются центральными в “Путешествии”», – акцентировал Г. П. Макогоненко (1940, с. 45). «Доминирующей на протяжении всего повествования остается крестьянская тема», – констатируют авторы словарной статьи о Радищеве (Словарь русских писателей…, 2010, с. 22). «Прямо или косвенно тема семьи и воспитания проходит красной нитью через “Путешествие”», – отмечает Л. И. Кулакова (1972, с. 26). Свои акценты в понимание текста вносит В. К. Кантор: «Если посмотреть непредвзято на текст радищевского “Путешествия”, то станет очевидно: вся книга о возможной гибели Петербургской империи <…> Постоянная тема его книги – о бренности величия» (Кантор, 2006, с. 84). В одном из недавних учебных пособий для студентов автор указывает: «Проблематика: “естественный закон” и всеобщее беззаконие; личность и государство; прямое и непрямое “видение” действительности» (Томилова, 2009, с. 12). Как можно видеть, революционная проблематика уходит с первого плана. В качестве примера радикальной смены курса в интерпретации книги можно привести слова недоброжелательно предвзятого автора новой биографии писателя Ольги Елисеевой: «Мы не считаем вопрос о крепостном праве главным для Радищева. Напротив, двигателем его творчества была болезненная сексуальность, причудливо преломившаяся в условиях крепостной действительности» (2015, с. 318).

В свою очередь О. Б. Лебедева вносит в круг первостепенных вопросов изучения книги проблему автора и героя (2003, с. 347).

Вполне очевидно, что отождествление повествователя, а в данном случае многих повествователей, с автором, неизбежно обедняет и упрощает смысловое наполнение текста. «В 17 главах из 26 повествование ведется от лица путешественника, в девяти рассказывают другие персонажи», – отметил Ю. К. Бегунов (1983, с. 30). Так создается эффект полилога, коллективного разума.

Герой произведения – путешествующий из Петербурга в Москву дворянин. Этот социальный статус определяет отправную точку зрения Путешественника на окружающий мир. Г. П. Макогоненко (1940) объяснял замысел и соответствующую ему композицию произведения показом эволюции героя от простодушно-наивного горожанина до проникнувшего в суть происходящего в империи гражданина. Не все ученые согласны с такой концепцией (Николаев, 2005, с. 619). Зарубежный славист М. Левитт по-своему обрисовал психологический процесс изменения отношения путешественника к действительности на основе особой концепции визуальной доминанты в искусстве XVIII века: «По мере того как рассказчик проходит через муки сомнений и философских испытаний, новый синтез, на месте бессознательного взгляда, присущего рассказчику в начале процесса, возникает и крепнет новое оправдание зрения» (2015, с. 434). При этом ученый так видит позицию автора: «…совершенно очевидно, что Радищев выбирает для себя роль человека толпы» (Левитт, 2015, с. 440).

Нет никаких оснований сомневаться в ключевой роли путешественника. «Образ путешественника – главный *внешний сюжетообразующий стержень* произведения <…> Доведение читателя книги до истины Радищев осуществляет с помощью образа путешественника», – резюмировал Ю. К. Бегунов (1983, с. 30). Однако итоговое утверждение ученого неожиданно кардинально сужает угол зрения на главного персонажа книги: «Путешественник Радищева – это *художественный автопортрет* (курсив наш. – *В. С.*)» (Бегунов, 1983, с. 31).

О путешественнике-повествователе сказано много. Очевидно, что это не копия автора. Это персонаж, стоящий ближе к тем читателям, которые, как надеялся автор, готовы вместе с ним пройти путь его чувствований и размышлений. Он не идеален, но искренность его слов и чувств, ирония и самоирония, готовность раскаяться в своих больших и малых прегрешениях должны вызвать доверие и симпатию просвещенных дворян – современников писателя, которых автор как бы приглашал последовать примеру своего путешественника и прямо взглянуть «окрест себя».

Исследователи спорят, к кому обращена книга: к властям, к помещикам, к дворянской оппозиции? В тексте чередуются обращения автора к любезному другу и по-приятельски к любезному читателю. Глава «Спасская Полесть» завершается обращением к Властителю мира, возможно читающему сон автора. «Автор проектов» в главе «Хотилов» и «Выдропуск» обращается к «любезным согражданам», взывает к ним «возлюбленные мои», употребляя местоимения «мы», «наше». Думается, Радищев считал полезным донести свои мысли до всех читающих, часто перепоручая авторство идей привнесенным персонажам, облекая их в услышанные и подслушанные рассказы, письма, проекты, трактаты, стихотворные строки, сны и видения. Отсюда широкий диапазон средств убедительности: наглядность сцен и событий, логичность суждений, страстность обличений, упреков и пророчеств. Г. А. Гуковский (1999) констатирует: «Но он не только хочет воздействовать на эмоциональность читателя, он не только вызывает у него чувство гнева и возмущения. Он доказывает свой тезис рационально. Он использует при этом аргументацию моральную, юридическую, наконец, экономическую» (Гуковский, 1999, с. 380-381). «Бунт страшен, но виноваты мы, дворяне, вот его вывод», – считает В. К. Кантор (2006, с. 91).

Довлеющее внимание к идейному содержанию произведения порой заслоняло изучение его литературных качеств. Кажется, что не совсем еще утратило актуальность мнение Г. П. Макогоненко: «Характерной особенностью для большинства работ о Радищеве и его “Путешествии” является методологически-порочный отрыв изучения содержания от формы радищевского “Путешествия”» (1940, с. 27).

На первом месте в осмыслении художественных особенностей произведения Радищева стоит определение жанровой специфики текста. Казалось бы, все сказано в названии, но сам жанр путешествий не был единообразным и ссылка на Стерна не все объясняет. Как считал Г. А. Гуковский, этот жанр «использован Радищевым вовсе не по-стерновски и с другими целями. Его интересует не столько психология его героя, сколько социально-политическая среда, его окружающая» (1999, с. 396).

Современный исследователь этого жанра дает такое определение: «Путешествие является самостоятельным жанром художественной литературы, атрибутивные признаки которого проявляются в принципе жанровой свободы, особой роли образа автора, присутствии документальных элементов наряду с художественным вымыслом, синтетичности, предполагающей включение в текст элементов других жанров (дневника, письма, репортажа, анекдота, автобиографии)» (Шачкова, 2008, с. 277).

Очевидно, что книга Радищева вполне отвечает предполагаемым особенностям выбранного жанра.

«“Путешествие из Петербурга в Москву” – это собрание художественных и документальных повестей, публицистических очерков, теоретических трактатов, философских рассуждений, политических деклараций, исповедей, писем, слов, од и т. д.», – считает Ю. К. Бегунов (1983, с. 29-30).

Однако прямо противоположное мнение встречаем в «Пантеоне российских писателей XVIII века»: «Двадцать шесть глав книги – не сборник очерков, новелл, публицистических статей, а страстный монолог, своего рода проповедь» (Бердников, Серебряный, 2002, с. 407). Вместе с тем читаем утверждение И. И. Шпаковского: «Части книги А. Н. Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” содержат в себе жанровые параметры просветительского романа, исторической хроники, ораторской прозы, сатирической журналистики, философского и публицистического трактатов» (2003, с. 30).

В качестве современного расхожего толкования можно привести курьезную трактовку неуказанных авторов сайта интернет-энциклопедии «РУВИКИ»: «Опытом создания произведения, проникнутого отвечающей духу времени чувствительностью (понятой как уязвленность страданиями человечества), на ломоносовской, но *еще более славянизированной* языковой основе становится роман “Путешествие из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева (опубликован в 1790), в котором *прихотливо* совмещены *разнородные* жанры (*трактат, похвальное слово, проект, стихотворная ода и др.*) и стили (*возвышенно-риторический, сентиментально-патетический, разговорно-бытовой и др.*), а *форма* путешествия использована как *структурный принцип, мотивирующий подобную пестроту*» (курсив наш. – *В. С.*). «*Прихотливость*» и «*пестрота*» остаются на совести составителей сайта.

Показательно в этом пассаже только соединение суждений о композиции и стиле в одном контексте, ибо в данном случае такая связь многое объясняет.

Суждения о языке и стиле романа так же разноречивы, как и мнения о его смыслах. Сложность и неоднородность стилистики романа отмечают все исследователи, но по-разному объясняют эту особенность. «Слог ее действительно невнятен. Это слог человека, конечно, обращающегося не к народу, а к правителям. Слог пророка», – считает В. К. Кантор (2006, с. 88). «Стилевое многообразие книги соответствовало пестрой и противоречивой картине мира, представшей перед Путешественником», – делают свой вывод авторы статьи о Радищеве в биобиблиографическом словаре «Русские писатели. XVIII век» (2002, с. 174).

Развернутую характеристику стилистики Радищева дал Г. А. Гуковский (1999). Речевое разнообразие писателя ученый напрямую связывает с содержанием того или иного фрагмента текста: «“Путешествие” заключает различные куски в отношении языка. Бытовые сцены написаны разговорным, живым, легким языком. Они реалистичны и в стилистическом отношении. Другие отрывки (например, рассказ о сестрорецких путешественниках в главе “Чудово”) написаны более “высоким”, более литературно-условным языком. Наконец, там, где Радищев говорит о политике, о философии, о праве человека и гражданина, он говорит славянским, напряженно-торжественным, библейским и в то же время ораторски-страстным языком» (Гуковский, 1999, с. 331-332).

«При этом преобладающий и подавляющий круг стилистических средств Радищевым целиком взят из традиционного запаса классической риторики и дидактики середины XVIII века», – утверждал в свое время А. П. Скафтымов (1929, с. 103).

Существует ряд специальных лингвистических работ о языке Радищева. В частности, С. Ф. Елеонский объясняет обращение Радищева к славянизмам эстетической установкой автора: «Нельзя не согласиться с утверждением, что традиционные элементы языка древнерусской и славянской письменности он сознательно противопоставил тому “верхушечному жаргону”, который становился модным в прозе и стихах дворянских писателей конца XVIII века, равнявшихся по заграничным авторитетам» (1958, с. 330). При этом ученый сожалеет, что «писателю не удалось избежать разностильности» (Елеонский, 1958, с. 333). Наряду с этим в работе отмечены характерные стилистические приемы писателя: окрашенные сильной эмоцией обращения, исполненные искреннего воодушевления риторические восклицания и вопросы, необычайной силы лирические инвективы, а также сравнения и уподобления, метафоры и эпитеты.

Особо стоит отметить очень точное наблюдение исследователя: «В великолепные афоризмы отливаются любимые идеи Радищева о свободе печатного слова, о просвещении народа, о “священном даре” вольности» (Елеонский, 1958, с. 334).

Всего в тексте помещено более 130 афористичных выражений, включая народные пословицы и назидательные максимы автора. В одном только наставлении крестицкого дворянина сыновьям их около 40, что служит лучшему пониманию и запоминанию главных мыслей.

Необходимо отметить сильное интонационное насыщение текста. В книге использовано 175 восклицательных и 293 вопросительных предложений. Риторическое вопрошание побуждает читателя к ответной реакции, восклицания подчеркивают важность сказанного автором, силу его эмоций. Эта же цель достигается многократными (чаще всего тройными) анафорами, каскадами эпитетов, цепочками вопросов, ведущих к желаемому ответу.

Лингвисты справедливо соотносили стилистическое разнообразие с функциональными задачами контекста. «*Описание* виденного дается посредством русской речи, а *оценка* (протест, возмущение, сожаление, негодование,

презрение к поступкам властителей, пафос негодования) реализуется с помощью славянской (книжной) речи (курсив наш. – *В. С.*)», – указывал А. Н. Кожин (1989, с. 135), детально анализируя и лексико-грамматические средства стиля писателя.

Новые работы о языке Радищева содержат вполне конструктивные оценки авторских поисков. «В истории языка это произведение осталось как образец уникального *синтетического* стиля, с одной стороны, воскресившего традиции церковнославянского красноречия, с другой – перенесшего на российскую почву приемы европейского сентиментализма и обогатившего художественное рассуждение живой разговорной речью представителей разных сословий, просторечием, фольклорными элементами, – резюмирует Д. А. Романов (2024, с. 305).

Наличие разных по стилю фрагментов текста совершенно естественно связано и с влиянием разных жанровых форм, использованных писателем, так как именно жанр в литературе допушкинской поры определял тему и стилистику произведения. Поэтому отчетливо видны влияния жанров поучения, видения, панегирика, проповеди, молитвы, плача.

«Книга включает публицистические элементы, сближаясь с традициями и русской ораторской прозы, и дидактической литературы, и сатиры», – справедливо отмечают авторы «Словаря русских писателей XVIII века» Н. Д. Кочеткова и А. Г. Татаринцев (Словарь русских писателей…, 2010, с. 22).

«Потому ли, что Радищев любил театр, потому ли, что просторечье прижилось в русской комедии раньше, чем в прозе, – в сатирических диалогах “Путешествия” создаются особенно яркие, выразительные образы», – точно указала Л. И. Кулакова (1972, с. 34). В письме о свадьбе Дурындина диалог воспроизведен по ролям, как сценка комедии (Радищев, 1992, с. 45).

Всего в книге помещено более 50 диалогов, что создает драматургию текста, делая читателя «зрителем и слушателем» происходящего.

О стиле романа писал А. А. Костин: «В анализе радищевской риторичности невозможно… обойтись и без “большой” литературы – разговора о трагедийной декламации и “прекрасном беспорядке” оды, моделях презентации социального зла в сатире и описаниях цветущего общества в панегирике, конструировании персонажей в романах и образа автора/рассказчика в дидактической и описательной поэзии» (2018, с. 116).

«Наставление “крестицкого дворянина” сыновьям продолжает линию древнерусских “поучений от отца к сыну” если не по содержанию, отвечающему условиям новой эпохи, то по изложению, полному всевозможных славянизмов, вплоть до цитирования молитв», – справедливо указал С. Ф. Елеонский (1958, с. 331).

Важно сказать, что содержание и стиль разных жанров выражают не только многообразие событий и переживаний персонажей, они служат воплощению соответствующих ценностных установок автора, чему способствует поэтика, интонация, пафос текста.

Система ценностей автора непосредственно воплощается в его произведениях. Литературоведческая аксиология, являясь одним из недавно созданных направлений филологии, открывает новые возможности осмысления всего огромного богатства отечественной литературы, позволяет заново прочесть знакомые тексты, предлагая увидеть оценивающим взглядом самого писателя, *объективно* оценивая мотивы его творческих предпочтений.

В отличие от художественной критики, где преобладает мнение рецензента, или классического литературоведения с его фактографическим подходом, аксиологическое литературоведение, системно учитывая все аспекты биографического, социологического, теоретического анализа творчества писателя, используя структуральные и сравнительно-типологические подходы, опираясь на методы контент-анализа текста, выстраивает доказательную парадигму ценностных позиций автора, реализованных в основных содержательных сегментах его творчества, а именно: в изображении человека в социуме, в показе окружающего мира, включая небесные сферы.

Совокупность отражения внешнего и духовного мира писателя в конкретном избранном тексте составляет аксиосферу этого произведения. Стилистические средства выразительности являются в этом случае предметом аксиопоэтики.

Аналитическое рассмотрение содержания аксиосферы писателя, выраженной в авторских текстах, выявляет три иерархических зоны:

1. Мир горний: Вселенная/Бог – Царство Небесное – Святость – Природа.
2. Мир человеческий: Государство – Отечество – Власть – Человек в различных ипостасях его бытия: в социальном служении и личных переживаниях. Человек амбивалентен, он сопричастен и святости, и злу.
3. Мир инфернальный, сфера Зла вселенского и социального.

Формат журнальной статьи не позволяет в полном объеме осуществить детальные наблюдения над сюжетным и персонажным воплощением авторской оценивающей позиции. Зато впервые проведенный контент-анализ лексики романа выявляет на основе статистики ряд ключевых слов, чтобы на этой основе делать выводы о значимости тех или иных понятий в иерархии ценностных предпочтений автора.

Распределив лексемы в соответствии с намеченной структурой, видим следующее.

1. **Высшая сфера** бытия:

Бог – **57** случаев употребления. Душа – **52**. Жизнь – **35**. Природа – **30**.

В ряду высоких положительных понятий: Блаженство – 10, благословение – 7.

Всех сложных слов с корнем «благо» – 12: благородство – 3, благодарение – 2;

единичные случаи: благоговение, благоразумие, благополучие, благосостояние.

2. **Положительный слой социальной сферы**:

семантическая группа *интеллектуальных ценностей:*

Разум – **70**. Истина – 35. Мысль – 30. Знания – 17. Наука – 15. Книга – 15.

Ум – 15. Воображение – 12. Просвещение – 10. Рассудок – 8. *Сумма: 227*.

Этико-правовые категории:
Закон – **67**. Право – 40. Порядок – 10. Уважение – 10. Совесть – 7.
134 в ряду
Свобода – **45**. Вольность – 10. Величие – 8. *Сумма: 197*.
Общественно-социальные категории:
Человек – **60**. Общество – 40. Государство – 10. Отечество – 10.
Народ – 20. Гражданин – 12. Крестьянин – 10. Дворянин – 8.
Слава – 17. Труд – 15. Богатство – 12. Служба – 8. *Сумма: 202*.
Итого: 626.
Эмоционально-нравственные ценности:
Сердце – **65**. Счастье – 27. Радость – 22. Надежда – 10.
Любовь – **60**. Друг – 40. Чувство – 35. Добро – 15. Восторг – 7.
Польза – 16. Здоровье – 10. Мужество – 5. Милосердие – 5. ***Итого: 297***.
Сумма *социальных* понятий вдвое выше позитивно *эмоциональных*.
Всего в позитивном поле более выделено аксиономических 210 лексем.
В том числе названо 65 положительных человеческих качеств.
***В негативном слое* социальной сферы** пропорции сложились таким образом:
Общественно-социальные категории:
Власть – **58**. Рабство – 32. Раб – 15. Зверство – 10. Оковы – 10. Тиран – 5.
Господин – 35. Барин – 25. Хозяин – 10. Цензура – 33. *Сумма: 233*.
Этико-правовые категории:
Преступление – 20. Убийство/убийца – 16. Злодеяние – 15. Смерть – 25.
Суеверие – 13. Лесть – 12. Стыд – 12. Невежество – 12. Обман – 10.
Жестокость – 14. Жадность – 12. Зло – 10. Грех/грешник – 9. Судьба – 8. Болезнь – 8. Тщеславие – 7. *Сумма: 213*.
Итого: 436.
Эмоционально-нравственные понятия:
Слезы – **30**. Отчаяние – 15. Страдание – 11. Скорбь – 11. Страх – 7.
Заблуждение – 10. Безумие – 8. Страсть – 8. Гнев – 8.
Тщеславие – 7. Скука – 7. Глупость/глупец – 10. ***Итого: 140.***
Сумма *негативных социальных* понятий почти втрое выше *эмоциональных*.
В негативном поле учтено более 230 аксиономических лексем.
В их числе названо 65 отрицательных человеческих качеств.
Выборка слов проведена без учета контекста и вариаций значений.
Случаи единичного употребления понятий при почти равном общем количестве в целом не меняют картину.

Статистика в литературе отнюдь не раскрывает всей значимости понятия, но показывает *заинтересованность* автора в его использовании, что составляет важную часть тезауруса его аксиосферы.

При более детальном анализе было бы важно выявить плотность употребления лексем в разных содержательных элементах текста, однако и общая картина дает возможность выстроить основные оппозиции положительных и отрицательных понятий, что в целом соответствует логике ценностного подхода, ибо структура аксиосферы биполярна.

1. Сферы высших понятий разительно неравномерны: в понятийном отношении Богу противостоит лишь Цербер – страж Ада – «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» (Радищев, 1992, с. 5). При этом символические смыслы эпиграфа глубже: зло, жестокость и греховность многолики.

2. В сфере *социальных* отношений: человеку, обществу, государству противостоят власть, рабство, оковы, тирания.

Мы видим народ, граждан, крестьян, дворян, но их роли в государстве распределены несправедливо: это или рабы, или господа, баре, хозяева.

Такой же контраст в *нравственном* отношении:

Там, где царит рабство, где молчит сердце, там нет места счастью, радости, надежде, любви и дружбе. Но при этом позитивные нравственные понятия автор упоминает в два раза чаще, чем отрицательные (297 и 140), лексический объем презентации широкого спектра положительных и отрицательных человеческих качеств при этом одинаков: 65 и 65.

Прочтение книги не оставляет такого ощущения равновесия, так как положительные качества чаще всего только декларируются, а отрицательные показаны наглядно в лицах и поступках.

Общее почти двойное превосходство числа понятий *социально-этической* проблематики по сравнению с *эмоционально-нравственной* сферой (1062 и 437), выявило преобладание первой, что не позволяет говорить о безусловном господстве сентиментализма при явном просветительском пафосе текста, хотя в отношении ключевых понятий, являющихся ценностными доминантами произведения, можно отметить относительный паритет:

Разум – **70**. Закон – **67**. Сердце – **65.** Любовь – **60**. Человек – **60**. Свобода – **45**.

Уместно привести справедливое высказывание Е. Н. Марасиновой относительно важнейших понятий, отразившихся в тексте Радищева: «Каждая эпоха отличается своим уникальным спектром представлений о *рабстве* и *свободе*, которые причудливо соединяют религиозные догматы, *нравственные ценности* и отражение в сознании современников социальных реалий (курсив наш. – *В. С.*)» (2005, с. 83).

На фоне сделанных наблюдений выглядят вполне оправданными, хотя и несколько категоричными, утверждения Д. П. Николаева: «Две стороны жизни общества – нравы и законы – интересовали Радищева всегда,...

справедливо полагая, что путем введения новых, более продуманных законов можно добиться улучшения нравов. Именно в этом состоял и пафос его главной книги – "Путешествия из Петербурга в Москву"» (2005, с. 599). Затем исследователь пишет: «Благое сердце, чувствительность, сострадание – все это те человеческие качества, которые особенно ценили и за которые ратовали писатели-сентименталисты. Именно эти качества являются главной ценностью и для автора "Путешествия из Петербурга в Москву"» (Николаев, 2005, с. 614).

В этой связи стоит обратиться к наблюдениям А. П. Скафтымова о функциональном значении реалий: «Разница не столько в количестве слез, сколько в их качестве. Специфически сентиментальные слезы – это слезы умиления. …В "Путешествии" Радищева такие слезы имеются лишь однажды [Клин]… У него слезы обычно лишь средство обозначения всякого взволнованного состояния» (1929, с. 93). При этом слезы в романе упомянуты около 30 раз, и обычно это слезы самого путешественника.

Справедливы замечания ученого об аксиологической функции элементов стиля: «Восклицание всегда несет *оценочную* реакцию… Чаще всего восклицание выражает возмущение… Обилие *оценочных* эпитетов в восклицательных обращениях: «Опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые!», «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем?» (Скафтымов, 1929, с. 101).

В сфере изображения персонажей романа можно видеть контрастное соотношение условно положительных и безусловно отрицательных героев.

К первой группе наряду с самим путешественником можно отнести как часть дворянских персонажей, так и героев из народа, но и в отрицательных лицах мы видим дворян-помещиков, придворных льстецов, чиновников, плутоватых купцов, распутных городских кумушек и валдайских девиц, а также крепостных – подручных своих хозяев-злодеев. Прямой социологический принцип здесь не работает, основания авторской антропологии чисто нравственные, ценностные.

Радищев откровенен в оценке моральных качеств людей разных сословий, что прокомментировал в свое время Г. А. Гуковский: «Помещичий класс в изображении Радищева в основном состоит из существ, утерявших право на звание человека и гражданина, – от вельможи до лакея-асессора. …Разврат, продажность, бескультурье, жестокость – свойства помещиков» (1999, с. 381-382).

Столь же негативна оценка купечества: «Ложь, фальшивое благолепие, прикрывающее разврат, пьянство, дикость, – таков их отвратительный, бескультурный быт» (Гуковский, 1999, с. 385).

Но наряду с этим отмечено «положительное, сочувственное изображение разночинца-интеллигента в главе "Подберезье". Это семинарист, человек, жаждущий знаний» (Гуковский, 1999, с. 385).

Ученый отмечает разительный контраст в морали городских жителей и крестьян, показанный писателем: «Радищев сравнивает пустых и развращенных дворянских жеманниц с красивыми, здоровыми, простыми крестьянками. Представительницей их и является Анюта. …Анюта окружена другими действующими лицами под стать ей – это ее жених, ее мать» (Гуковский, 1999, с. 382).

Целый ряд персонажей из народной среды демонстрирует примеры лучших человеческих качеств. «Мысль Радищева сводится к тому, что только народ-работник вмещает в себе добродетели, глубокие, правдивые чувства, подлинное человеческое достоинство», – резюмирует Г. А. Гуковский (1999, с. 383).

В противопоставлении отрицательным персонажам в романе показаны «сочувственники» путешественника, «соавторы» некоторых эпизодов повествования. «Образы сочувственников и единомышленников выступают в строгой последовательности», – отмечает Л. И. Кулакова (1972, с. 51). В итоге: «Десять честных людей – не рабов и не мучителей, а граждан, сыновей отечества – не так мало. К ним можно прибавить одиннадцатого: …А. М. К., которому посвящено "Путешествие", – друг и "сочувственник" и Путешественника, и автора, черты которых часто сливаются» (Кулакова, 1972, с. 52).

Если учесть всех персонажей, вызвавших одобрение или сострадание автора, то их число превысит четыре десятка. К названным Л. И. Кулаковой героям можно добавить всех так или иначе пострадавших от несправедливости устройства общества: рекрутов и их родных и продаваемых на торге крепостных, а также восставших против барского насилия крестьян и, наконец, Ломоносова и нелицемерное потомство, в которое верит автор. В конце концов, союзниками автора являются и волшебница Прямовзора из сна в «Спасской Полести», и сам Господь Бог, к которому не единожды взывает писатель.

Круг отрицательных персонажей широк и ярко обрисован. Сюда можно отнести как реальных действующих лиц, так и окружение правителя из сна, и коллективные упоминания о жителях Петербурга, о распутных городских кумушках и валдайских девицах, безымянных соучастников несправедливости и подлости в рассказах о своих горестях положительных персонажей.

У Радищева еще нет тонкого анализа психологии героев, но уже наметилась линия понимания, как социальные условия влияют на человеческие качества.

Общее число конкретно обозначенных отрицательных персонажей тоже составляет примерно 40 человек, но в совокупности с анонимными и коллективными участниками повествования они создают впечатление всеобщего засилья, что усиливается гневными обличениями автора.

«Контраст двух России неумолимо предстает перед Путешественником и читателем от начала до конца», – пишет Л. И. Кулакова (1972, с. 50).

Вместе с тем оказываются очень любопытными наблюдения М. Левитта над общим пафосом отдельных глав романа: «Если разбить двадцать шесть глав "Путешествия из Петербурга в Москву" (все, за исключением первой и последней, названы по остановочным пунктам) на две группы по принципу "счастливого" или "мрачного" исхода, мы получим почти строгое равенство: четырнадцать к двенадцати» (2015, с. 328). Иными словами, исследователь обнаружил некое внутреннее равновесие в отражении картины мира писателем.

Близким этому выводу выглядит мнение О. Б. Лебедевой: «Именно творчество Радищева особенно наглядно выражает общую тенденцию русской литературы XVIII века к созданию синтетической картины русского мира» (2003, с. 336). «Идею синтеза у Радищева можно понять как воссозданную художественными средствами общую модель преодоления русским человеком мучительных противоречий восемнадцатого столетия: противоречий *тела* и *духа*, *чужого* и *своего*, *европейского* и *русского*, реального бытия и истинных, присущих цельной Личности *духовных и интеллектуальных ценностей*», – подытоживает свои размышления о Радищеве О. М. Гончарова (2004, с. 216). Именно автор является такой «цельной Личностью».

С точки зрения аксиологического подхода можно сказать о взвешенном взгляде Радищева на соотношение сил добра и зла в окружающем его мире. Но если зло, страдания человечества уязвляют его сердце, то разум подсказывает, что это не будет продолжаться вечно, будущее изменит общественный уклад.

Это оптимистическое ощущение отмечалось исследователями на основании приподнятого тона «Слова о Ломоносове», завершающего книгу. Но как выяснилось, глубинных оснований для утверждения о позитивном видении истории автором романа гораздо больше.

Контент-анализ вскрывает на основе статистики даже подсознательные причины тех или иных авторских решений, так как писатель, разумеется, не руководствуется непосредственно количественными соотношениями в лексике или в персонажном составе своего произведения. Аксиосфера текста объективно отражает мироощущение писателя.

Заключение

Основываясь на результатах наблюдений ученых над стилем, жанром и методом автора в романе «Путешествие из Петербурга в Москву», с учетом результатов проведенного контент-анализа текста, можно охарактеризовать аксиосферу книги как глубоко прочувствованное и осмысленное широкое изображение действительности с точки зрения просветительского мировоззрения автора, лежащего в основании его системы ценностей.

Как справедливо отмечалось исследователями, обширная проблематика произведения охватывает практически все аспекты социальной, правовой, научной и эстетической деятельности человека.

С аксиологической точки зрения актуально отметить резкий контраст, прямое одобрение или осуждение персонажей автором.

Временные и пространственные параметры аксиосферы книги велики, они включают прошлое, настоящее и будущее России, расширяя горизонт сюжетного маршрута до отражения событий в Европе, Азии и в Новом Свете.

Оценка описанного включает как резко отрицательное отношение к фактам, не приемлемым с точки зрения просветительского гуманизма и сентиментальной концепции гармонии человеческого существования, так и противопоставленное этому стремление найти пути достижения этой гармонии и социальной справедливости.

Ценностные сферы зла оказались фактически уравновешены позитивным началом человеческих возможностей если не в современности, то в будущем, что создает оптимистическое восприятие произведения в целом, несмотря на ужасающие сцены насилия и несправедливости в нескольких главах романа.

В данном случае проявлен важный аксиологический эффект: чем разительней контраст положительного и отрицательного, тем ярче выявляются оба полюса сопоставления.

В качестве итога можно сказать: выдающееся произведение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» демонстрирует чрезвычайно насыщенный авторский вариант сентиментально-просветительского типа аксиосферы с акцентированным обличительным и дидактическим элементом.

Изучение произведений других авторов столетия в аналогичном аспекте даст возможность выявить индивидуальные вариации их ценностных ориентаций, специфику аксиосферы разножанровых текстов, позволит получить новые знания о своеобразии творчества разных писателей эпохи.

Материалы исследования | Research materials

1. Бердников Л. И., Серебряный Ю. Пантеон российских писателей XVIII века: критико-биографические очерки / предисл. М. Левитта. СПб.: Академический проект, 2002.
2. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд-е 4-е. М.: Учпедгиз, 1960.
3. Воронин Т. Л. История русской литературы XVIII столетия. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2009.
4. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: учебник / вступ. статья А. Зорина. М.: Аспект Пресс, 1999.
5. Елисеева О. И. Радищев. М.: Молодая гвардия, 2015.
6. Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарии: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1974.
7. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: учебник. М.: Высшая школа, 2003.
8. Минералов Ю. И. История русской словесности XVIII века: учебное пособие и практикум. М.: ВЛАДОС, 2003.
9. Орлов П. А. История русской литературы XVIII века: учебник. М.: Высшая школа, 1991.
10. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд-во Московского университета, 1977.
11. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 6. Критика и публицистика.
12. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / подг. изд. В. А. Западов. СПб.: Наука, 1992.
13. Русская литература XVIII века // Интернет-энциклопедия «РУВИКИ». https://ru.ruwiki.ru/wiki/Русская_литература_XVIII_века
14. Русские писатели. XVIII век: библиографический словарь / сост. С. А. Джанумов. М.: Просвещение, 2002.

15. Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3: Р-Я.
16. Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века: учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 1975.
17. Томилова С. Д. История отечественной литературы: учебно-методическое пособие для организации самостоятельной работы студентов дневного отделения Института педагогики и психологии детства. Екатеринбург, 2009.
18. Федоров В. И. Русская литература XVIII века: учебник. Изд-е 2-е. М.: Просвещение, 1990.
19. Шпаковский И. И. Практикум по русской литературе XVIII века: учебно-методический комплекс. Мн.: Белорусский государственный университет, 2003.

Источники | References

1. Бегунов Ю. К. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: о методике изучения жизни и творчества Радищева в школе: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1983.
2. Гончарова О. М. Опыт европейской философии и традиции русской духовности в творческих исканиях А. Н. Радищева // Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века: коллективная монография. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2004.
3. Елеонский С. Ф. Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия из Петербурга в Москву»: к изучению художественного своеобразия книги А. Н. Радищева // XVIII век: сборник. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Вып. 3.
4. Кантор В. К. Откуда и куда ехал путешественник?.. («Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева) // Вопросы литературы. 2006. № 4.
5. Кожин А. Н. Литературный язык допушкинской России. М.: Русский язык, 1989.
6. Костин А. А. Писатели, которых не было? «Предшественники» Радищева и конструирование историко-литературного канона // Чтения отдела русской литературы XVIII века. СПб., 2018. Вып. 8: Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII – начала XIX века.
7. Кулакова Л. И. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: лекция. Л., 1972.
8. Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
9. Макогоненко Г. П. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век: сборник. 1940. Вып. 2.
10. Марасинова Е. Н. «Могу быть подданным, даже рабом, – но холопом не буду и у царя небесного»: власть и личность в России XVIII века // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2016. № 5 (141).
11. Николаев Д. П. «О, народ, к величию и славе рожденный…» (Русская нация и русские люди в осмыслении и изображении А. Н. Радищева) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век: сборник. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2005.
12. Романов А. Д. Из наблюдений над языком и поэтикой «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 1 (52).
13. Сакулин П. Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей: в 2 ч. М.: 1929. Ч. 2: Вторая культурная эпоха: под знаком европеизма. Глава 9. Дворянские стили. Сентиментализм.
14. Самарин А. Ю. Путешествие из Петербурга в Сибирь // Историк. 2015. № 9.
15. Скафтымов А. П. О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1929. Т. VII. Вып. 3.
16. Стенник Ю. В. Пушкин и Радищев // Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века: монография. СПб.: Наука, 1995.
17. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3.

Информация об авторах | Author information

RU **Сорокин Владимир Борисович**[1], к. филос. н., доц.
[1] Московский государственный институт культуры

EN **Vladimir Borisovich Sorokin**[1], PhD
[1] Moscow State Institute of Culture

[1] *sorokin-vladbor@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.09.2026; опубликовано online (published online): 07.10.2026.

Ключевые слова (keywords): аксиосфера; ценностные доминанты; жанр путешествия; просветительский сентиментализм; А. Н. Радищев; axiosphere; value dominants; travel genre; enlightenment sentimentalism; A. N. Radishchev.